

Сизова Ирина Игоревна

ТЕКСТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО "ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО"

В статье исследуются текстология и поэтика рассказа Л. Н. Толстого "Вражье лепко, а Божье крепко" на основе двух известных рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 1-2, рукописной фонд составляет 5 листов). Уточнена датировка (с 17 по 28 марта 1885 года), решен вопрос редакций произведения. Рассмотрены элементы поэтики рассказа, специфика работы переписчика и редакторского коллектива "Посредника" с текстом Толстого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. Мустафин Э. В ту ночь, на курорте в Алушке // Красная Башкирия. 1927. 30 сентября.
18. Мухамедханов К. Абай кітабын алғаш шығарған Илияс Бораганский = Ильяс Бораганский – первый издатель книг Абая (к 100-летию издания книг Абая). Алматы, 2009. 70 с.
19. Научный архив УНЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1.
20. Празднование 10-летия основания медресе «Галия» (Мәзрәсәи-Ғәлиәненң ун йыллыҡ байрамы) // Ваҡыт. 1916. 4 января.
21. Пятидесятилетняя деятельность в издательском деле (Матбуғат донъясында илле йыллыҡ хезмәт) // Яны юл. 1924. № 4.
22. Салихов А. Забытые страницы истории (Онотолған тарих биттәре). Уфа: Гилем, 2003. 140 с.
23. Салям Г. Ребенок (Бала) // Октябрь. 1939. № 8-9. С. 31-34; № 10. С. 36-47; № 11. С. 50-57.
24. Уметбаев М. Ядкар (Йәдкәр) / автор-сост. Г. С. Кунафин. Уфа, 2011. 344 с.
25. Хай М. Крымские эскизы (Кырым эскиздәре) // Октябрь. 1933. № 1.
26. Хусанов Г. Мухаметсалим Уметбаев (Мәхәмәтсәлим Әмәтбаев). Историко-биографическая книга. Уфа, 1991. 288 с.
27. Чобан-заде Б. Вот и все. Стихи / автор предисловия и пер. А. Г. Салихова // Агидель. 2012. № 11. С. 133-138. (Йәшәүзән куркмаған, үлемдән әркмәгән (Кырым татар шағиры Бәкир Чобан-заданың тормошо һәм ижады)).
28. Чобан-заде Б. Успехи Яналиф (введения нового латинского алфавита) и задачи, стоящие перед ним (Яны яналептен яны уңыштары һәм алдыбызга торған вазиғалар) // Янылык. 1928. № 14.
29. Чобан-заде Б. Тюрко-татарская диалектология. Введение (Тюрк-татар диалектоложиси. Гириш). Баку, 1927. 134 с.
30. Шакир С. Моему читателю (стихи) (Укыусыма) / пер. Гульназ Кутуевой // Агидель. 2009. № 7. С. 132-137.
31. Шемьи-заде Э. Два стиха (Ике шиғыр) // Октябрь. 1937. № 2.
32. Яманаклы (Джаманаклы) К. Развитие крымско-татарской советской литературы (Кырым татар совет әзәбиәте үсә) // Башкортостан. 1935. 18 ноября.
33. Gafuri M. Bu Dünyayı Var Edip Yaşatandır Muhabbet. Şiirler / Yayına hazırlayanlar Ahat Salihov, Lutsiye Kamayeva, Madril Gafurov, Omer Kucukmehmetoglu. Ankara, 2011. 294 s. (на тур. и башк. яз.).
34. Salihov A. Herkesten Kalır Bir Yadıgarı // TÜRKSOY. 2009. № 2. S. 64-67.
35. Togan Z. V. Hatıralar: Türkistan ve Diğer Müslüman Türklerinin Milli Varlık ve Kültür Mücadeleleri. Yayına hazırlayan İsenbike Togan. Ankara, 1999. 630 S.

**THE BASHKIR-CRIMEAN TATAR CULTURAL AND LITERARY RELATIONS
(THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)**

Salikhov Akhat Gubaevich, Ph. D. in History

*Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ahatsalikhov@mail.ru*

The article studies the history of cultural and literary relations between the Bashkirs and Crimean Tatars, taking place at the end of the XIX – the beginning of the XXI century. Cultural contacts between these kindred peoples are rooted in the mists of time. The Crimean topics were constantly present in the works of the Bashkir writers and poets in the 20-30s of the XX century. Later they began to lose contact, and disappeared completely after the deportation of the Crimean Tatars. Only at the end of the last century they began to restore the lost relations.

Key words and phrases: Ismail Gasprinsky; Ilyas Boragansky; Mazhit Gafuri; Muhametsalim Umetbaev; history of literature; the Bashkir-Crimean Tatar relations; the Bashkir literature, the Crimean Tatars.

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6; 82-1/-982:81-26; 82:81'38

Филологические науки

В статье исследуются текстология и поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Вражье лепко, а Божье крепко» на основе двух известных рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве (ОР ГМТ, ф. I, оп. 1-2, рукописной фонд составляет 5 листов). Уточнена датировка (с 17 по 28 марта 1885 года), решен вопрос редакций произведения. Рассмотрены элементы поэтики рассказа, специфика работы переписчика и редакторского коллектива «Посредника» с текстом Толстого.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; элементы поэтики; генезис сюжета; история и критика текста; датирование произведения; письма; автограф; копия; художественная утопия.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
u_sizova@bk.ru*

**ТЕКСТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО
«ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО»[©]**

Целью настоящей статьи является исследование текстологии и поэтики народного рассказа Л. Н. Толстого 1885 года – «Вражье лепко, а Божье крепко». Впервые рассказ был опубликован в 1886 году: как текст к открытому листу с картинкой И. Е. Репина (разрешение цензуры от 12 февраля 1886 года),

а также в сборнике «Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы» (Москва, Издание «Посредника», с. 29-32), с цензурным разрешением текста 13 декабря 1885 года, обложки – 27 февраля 1886 года. В том же виде рассказ был напечатан в двенадцатой части «Сочинений» Толстого в 1886 году.

В научной литературе о Толстом нет единомыслия исследователей по нескольким направлениям, обусловившим задачи настоящего труда. В истории текста разнятся крайние хронологические пределы написания рассказа, открыт вопрос о количестве его редакций, подлежат реконструкции этапы воплощения замысла и становления элементов поэтики: частей сюжета, образной системы, композиции, художественной речи Толстого, авторского отношения к изображаемым событиям. С позиции научной критики текста не поднимался вопрос о специфике работы переписчика с исходным толстовским текстом, все еще актуальна проблема редактуры В. Г. Черткова и издательского коллектива «Посредника» произведений Толстого. Своей работой мы продолжаем цикл наших статей о текстологии и поэтике рассказов и драм Толстого для народного читателя и зрителя [10, с. 191-194; 11, с. 58-65; 12, с. 172-177].

Первый комментатор «Вражье лепко, а Божье крепко» в собраниях сочинений писателя В. И. Срезневский по-разному определял временной промежуток, за который был создан рассказ в 1885 году, – апрелем или маем, а также – первой половиной апреля [13, с. 690; 14, с. 362]. Биограф писателя Н. Н. Гусев, опираясь на письмо Толстого к В. Г. Черткову от 17 мая, полагал, что Толстой написал текст в начале апреля и исправил его 18 мая [1, с. 404; 2, с. 607]. Свою точку зрения В. И. Срезневский и Н. Н. Гусев основывали на письме В. Г. Черткова к Толстому от второй половины апреля 1885 года, в котором сообщалось о том, что художник И. Е. Репин рисовал картинку к рассказу, и ошибочно датировали это письмо 17 апреля. Между тем, В. Г. Чертков написал Толстому не 17, а 19 апреля.

Первую половину апреля считали вероятным временем создания рассказа В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур и Е. С. Серебровская [8, с. 273]. Той же датировки придерживалась Л. Д. Опульская, которая также разделяла точку зрения Н. Н. Гусева о том, что Толстой переделывал рассказ в мае [9, с. 565]. По мысли З. А. Кущенко, Толстой работал над «Вражье лепко, а Божье крепко» в апреле-мае 1885 года [6, с. 49].

Вопрос редакций «Вражье лепко, а Божье крепко» был поднят В. А. Ждановым, Э. Е. Зайденшнур и Е. С. Серебровской. С их точки зрения, автограф является первой редакцией рассказа, которую Толстой «значительно» «переработал» в копии [8, с. 273]. Однако процесс воплощения замысла произведения нам видится иначе.

Рукописный фонд рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко» представлен двумя рукописями, которые не датированы. Автограф без названия и копия рукой неизвестного, в которую Толстой вписал заглавие. Писатель остановил свой выбор на пословице «Вражье лепко, а Божье крепко», упомянутой в книге «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, частоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В. Даля» (1862). Издание сохранилось в яснополянской библиотеке [5, с. 578]. В письме к В. Г. Черткову от 17 мая Толстой называет рассказ по имени главного героя – «Алеб» [19, с. 206]. Обе рукописи к настоящему времени не опубликованы.

Документов, содержащих прямые указания для установления временных пределов работы Толстого в 1885 году над рассказом «Вражье лепко, а Божье крепко», фактически нет. Под своим заглавием или по имени главного героя рассказ упомянут в письме Толстого к В. Г. Черткову от 17 мая и в трех письмах В. Г. Черткова к Толстому от 19 апреля, 12 октября и 4 декабря. Но в этих письмах нет сведений о начале и продолжении работы Толстого над произведением. Письмо Толстого от 17 мая раскрывает намерение автора поправить уже написанный текст, в письмах В. Г. Черткова речь идет или об откликах современников на рассказ или об его иллюстрировании художником И. Е. Репиным.

Полагаем, что автограф рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко» Толстой написал в Симеизе 17 марта 1885 г. (письма Толстого к С. А. Толстой от 18 марта и к В. Г. Черткову от 17-18 марта). Толстой поехал в Крым вместе со своим близким приятелем князем Л. Д. Урусовым, больным туберкулезом. Вернулся Толстой из крымского путешествия 23 марта и в Москве работал (или продолжил работать) над копией. В конце марта, вероятно, 28 числа, рассказ уже был передан Толстым В. Г. Черткову (письмо В. Г. Черткова к Толстому от 30-31 марта). В. Г. Чертков встретился с Толстым в Москве проездом из Петербурга в имение своих родителей Лизиновку Воронежской губернии, куда он направлялся со своей матерью Е. И. Чертковой на Святую неделю. Толстой описал эту встречу Л. Д. Урусову и сообщил ему о передаче В. Г. Черткову нескольких «статеек» для «Посредника» [17, с. 225]. Толстой не перечислил названия «статеек». Ими могли быть поправленный Толстым рассказ Р. Сайанса «Дядя Мартын», «Вражье лепко, а Божье крепко» и «Ильяс». О написании «маленького рассказа» «Ильяса» говорилось в письме Толстого к В. Г. Черткову от 25-26 марта [19, с. 157].

19 апреля из Петербурга В. Г. Чертков уведомил Толстого о том, что И. Е. Репин рисует картинку к рассказу «Вражье лепко, а Божье крепко». Тот факт, что В. Г. Чертков упоминал произведение Толстого под тем заглавием, которое писатель дал ему в копии, свидетельствует о том, что В. Г. Черткову рассказ был известен по списку, снятому с автографа и копии. На это обстоятельство справедливо обратил внимание В. И. Срезневский [13, с. 690].

Появление рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко» в определенной степени явилось для Толстого неожиданным творческим событием: писатель был занят тогда рассказом «Ильяс», начатым по дороге из Байдар в Симеиз. Работа над «английским милордом» (так Толстой называл свои народные рассказы, в данном случае замысел «Ильяса») продвигалась тяжело. Это удостоверяют черновые рукописи «Ильяса» (автограф и его первая копия рукой Л. Д. Урусова), а также письма Толстого к жене от 15 и 16-17 марта:

14 марта: «на козлах сочинял Английского милорда» [18, с. 495].

15 марта: «Очень я устал, загорел и разбросался мыслями, т.е. вышел из колеи работы. Англицкого Милорда, однако, все обдумываю. Попробую завтра писать» [Там же, с. 497].

16-17 марта: «Работать не принимался, слишком жалко потерять возможность увидеть. И до сих пор все новое» [Там же, с. 499].

Перелом в творческом «бездействии» наступил 17 марта, очевидно, после посещения Толстым с Л. Д. Урусовым 16 марта татарской деревни, беседы со стариком татаринном и знакомства с его четырьмя сыновьями. Можно предположить, что новые знакомые писателя рассказали ему «историю», получившую художественное осмысление в рассказе «Вражье лепко, а Божье крепко». Не вызывает сомнений, что осмотр татарской деревни, впечатления Толстого от событий 16 марта явились для Толстого-художника мощным творческим стимулом.

Уже 18 марта Толстой радостно сообщил жене о написании маленького «рассказца» (автографа «Вражье лепко, а Божье крепко»): «Вчера, опять в 7-м часу встал, убрал свою комнату и, пристыженный тем, что я ничего не работаю, сел за работу и написал для Черткова рассказец, к<оторый> ему пошлю или привезу» [Там же, с. 501]. Всего лишь констатация этого факта – в письме Толстого к В. Г. Черткову от 17-18 марта: «...написал небольшой рассказ, пришлю из Москвы» [19, с. 154].

Графические особенности автографа «Вражье лепко, а Божье крепко» подтверждают нашу гипотезу о том, что 17 марта Толстого увлек замысел рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко»; это событие отодвинуло писание «Ильяса» на второй план. Автограф «Вражье лепко, а Божье крепко» по своему характеру не является черновым. Толстой мало правил эту рукопись, преимущественно в ходе письма, в отличие от автографа «Ильяса». Писатель на одном дыхании освоил источник, положенный им в основу сюжета и фабульных линий, и в иносказательном роде запечатлел собственные впечатления от крымского путешествия.

Автограф рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко» выполнен на нелинованном листе большого формата, не имеет авторской пагинации; заполнены обе стороны листа. Текст автографа не представляет собой раннюю редакцию произведения. На данном этапе складывались основные части сюжета. Экспозиция знакомит с идеальной, с точки зрения Толстого, моделью гармоничного устройства общества («добрый» господин и «счастливые» рабы). Завязка действия сообщает о «падении» одного из рабов, Алеба. Героем завладевает зло, приказавшее ему «соблазнять» других рабов [15, оп. 1, л. 1]. Последующее звено в развитии фабулы – эпизод о «споре» Алеба и рабов о «добrote» хозяина. Алеб призывает всех больше не «угождать» хозяину и сделать ему «зло». Тогда «добрый» господин «отплатит вам злом хуже, чем самые злые господа» [Там же].

Кульминация рассказа описывает происшествие в овчарне. Алеб губит любимого барана господина, чтобы вызвать в нем злобу; в развязке Толстой развивает поучение, «добрый» господин прощает Алеба за его проступок и отпускает провинившегося раба на волю. Краткий эпилог утверждает толстовский идеал социального устройства как истинную очевидность: «добрый» господин возвращается домой к своим «счастливым» рабам.

Одновременно с сюжетным действием оформился у Толстого идейный пафос рассказа – проповедь добра, которое всегда побеждает зло. Позднее, в копии Толстой не изменил кардинальным образом событийные узлы рассказа, типы героев, оставил прежними простоту и лаконичность манеры повествования, авторское отношение к художественным «реалиям».

Копия рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко» занимает четыре листа нелинованной широкоформатной бумаги; обороты этих листов писатель не использовал. Для правки автора копиист оставил широкое правое поле листов и расстояние между строк в 2 см. Страницы рукописи не нумерованы. Заглавие («Вражье лепко, а Божье крепко») вписано рукой Толстого.

К работе с рукописью Толстого переписчик подошел ответственно, его вдумчивость и внимательность позволили избежать грубых смысловых искажений текста. Немногочисленные неточности копии несознательны и обусловлены культурой речи копииста. Единичны случаи пропусков слов, союза «и» (эпизод в овчарне) и междометия «ах» (поучение господина в развязке). Две механические описки в развязке и эпилоге были замечены и поправлены Толстым. Приведем текстовые примеры.

Таблица № 1.

Варианты автографа и копии рассказа

Автограф	Копия
«добротой господина» [15, оп. 1, л. 1]	«добротою господина» [15, оп. 2, л. 2]
«А сделаете ему зло» [15, оп. 1, л. 1]	«А сделайте ему зло» [15, оп. 2, л. 2]
«и если закуют его в железо» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«и если закуют его в железа» [15, оп. 2, л. 2]
«смотрят в двери и через ограду» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«смотрят в двери и чрез ограду» [15, оп. 2, л. 3]
«пугнет баранов и опять все смешаются» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«пугнет баранов – опять все смешаются» [15, оп. 2, л. 3]
«в середину баранов» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«во середину баранов» [15, оп. 2, л. 3]
«Ах, милый друг Алеб» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«Ах, милый другой Алеб» [15, оп. 2, л. 3]
«И пошел добрый господин» [15, оп. 1, л. 1 об.]	«И пошли добрый господин» [15, оп. 2, л. 3]

В подготовленной копии Толстой доработал рассказ: частично изменил и развернул некоторые части сюжета. Толстой не ставил для себя целью совершенствовать художественную форму произведения, писатель был сосредоточен на его содержательных особенностях; смысловые уточнения, внесенные Толстым в копию, были обусловлены его идеологическими воззрениями и эстетическими нормативами о назначении и способах построения форм искусства, сложившимися в 1880-е годы.

Критическое отношение Толстого к богатству сказалось на правке зачина экспозиции. Если в автографе говорится о том, что в «старинные времена» жил «добрый богач» [15, оп. 1, л. 1], то в копии речь идет уже о «добром хозяине» [Там же, оп. 2, л. 1]. Убирает Толстой и некоторые описательные детали, перегружающие, с его точки зрения, основную линию повествования, выраженную формулой «господин – рабы». Эта формула стала опорной в обрисовке «добра» «богача». Автограф: «было у него много всякого добра: и домов, и рабов, и скота» [Там же, оп. 1, л. 1]. Копия: «Всего у него было много, и много рабов служило ему» [Там же, оп. 2, л. 1].

Последующая коррекция автора экспозиции рассказа наполнила ее философским смыслом. Писатель приумножил в количественном отношении «добродетели» «богатого хозяина». В автографе сообщается о том, что господин был добр к своим рабам [Там же, оп. 1, л. 1]. В копии эта черта характера стала одним из достоинств героя. Определилась иносказательная миниатюра гармоничного устройства общества, которая придала рассказу Толстого черты жанра художественной утопии: «добрый» господин «хорошо» кормит и одевает своих рабов, разумно использует их труд («работу дает по силам»), обладает высокими моральными качествами – «никого словом не обидит и ни на кого зла не держит» [Там же, оп. 2, л. 1].

Толстой полагал важным связать «старинные времена» легенды со злободневными вопросами взаимодействия людей. Так в копии появилась оппозиция ««добрый” господин / «злые” господа», которая размыла условные хронологические границы произведения. «Злых» господ Толстой характеризует в излюбленной своей манере 1880-х годов, формой притчи, которая, по убеждению писателя, подходила для назидательной литературы в большей степени, чем аллегория, и не вытесняла собой сосредоточенность автора на современности. «Злые» господа мучают своих рабов «хуже скотов», «и за вину и без вины князят, и доброго слова не скажут» [Там же].

Темы искушения рабов Алебом касались изменения эпизода, в котором Алеб и рабы «спорят» о «доброде» господина. Толстой отказался от изображения отстранения Алеба от рабов, развитого в автографе: антитеза «я – вы» не соответствовала правде жизни. Копия усилила соблазн, лукавство в словах Алеба и подчеркнула его сопричастность «миру» рабов. Обратимся к тексту.

Таблица № 2.

Становление эпизода о «споре» Алеба и рабов: от автографа к копии

Автограф	Копия
«...напрасно хвалитесь вы добротой господина своего. Вы ему угождаете, вы ему служите, вы его любите, и потому только он добр до вас. А сделаете ему зло, и он отплатит вам злом хуже, чем самые злые господа» [15, оп. 1, л. 1].	«...напрасно хвалитесь вы, братцы, добротой господина нашего. Начни угождать дьяволу, и дьявол добр станет. Мы нашему господину хорошо служим, во всем угождаем. Только задумает он что, мы то и делаем, мысли его угадываем. Как же ему с нами добрым не быть? А перестаньте-ка угождать да сделайте ему худо, и он такой же, как и все, будет, и за зло отплатит злом хуже, чем самые злые господа» [15, оп. 2, л. 2].

Мотив «праздничной одежи» становится центром в описании «заклада» между Алебом и рабами. Толстой добавляет образу Алеба еще одну неблагоприятную черту – преклонение перед богатством, что выражает стремление героя присвоить дорогую праздничную одежду других рабов. В автографе Алеб «закаивается» (дает зарок) «вперед <не> осуждать господина», если ему не удастся его рассердить [3, с. 582; 15, оп. 1, л. 1 – 1 об.]. В копии – иначе. При неудачном исходе «дела» Алеб «решается» (лишается) своей праздничной «одежи» [7, с. 678; 15, оп. 2, л. 2]. Ниже автор закрепляет найденное художественное решение: если Алеб рассердит господина, каждый раб должен отдать ему свое праздничное одеяние [15, оп. 2, л. 2].

Преобразования кульминации и развязки рассказа высветили ход решения Толстым онтологических вопросов. Появились яркие эпитеты и выразительные сравнения в изображении того, как Алеб калечит любимого барана господина, и в описании внешнего и внутреннего облика «доброего хозяина», переживающего минуту испытания. Нога «бесценного» барана «хрустнула, как лутошка» [Там же, л. 4]. Толстой персонифицирует этот образ с молодой липой, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет, становится хрупкой [4, с. 274]. Наблюдая за поступком Алеба, его господин становится «чернее ночи» [15, оп. 2, л. 4], т.е. мрачнеет, становится угрюмым. Экспрессивность народной лексики, метафоричный «тон» фразеологизмов сделали максимальной силу эстетического воздействия художественного слова на духовный мир читателя. Вписав в поучение «доброего» господина фразу: «мой хозяин сильней твоего» [Там же], – Толстой вновь связал условные «старинные времена» с современностью, обратил внимание на непреходящее значение битвы добра и зла, Божественного и греховного начал в мироздании и сердцах людей.

Во второй половине мая 1885 года Толстой намеревался доработать «Вражье лепко, а Божье крепко», о чем писал В. Г. Черткову 17 мая: «Тексты двух картинок *Алеб* и *Ильяс* у меня. Я завтра их поправлю и пошлю» [19, с. 206]. Однако этот творческий план писатель не осуществил. Тексты открытого листа с картинкой И. Е. Репина, сборника «Царь Крез...» и копии отличаются друг от друга незначительными разночтениями, которые возникли вследствие унификации редакцией «Посредника» художественной речи Толстого к общепринятым грамматическим и стилевым стандартам. К общим нормам словоупотребления были приведены предлоги («во» / «в»), некоторые из них заменили синонимами («и» / «да»). Малая часть разночтений данной группы представляет собой типичные ошибки переписывания от руки, закравшиеся в текст Толстого при подготовке наборной рукописи произведения (не сохранилась), которая велась с известной копии.

Как следствие, коррекция редакции вызвала порчу исходного, авторского текста. Так, в эпизоде о «споре» Алеба с рабами была искажена фраза о том, что Алеб «решается» своей «праздничной одежи», если не рассердит хозяина [15, оп. 2, л. 2]. Просторечное слово «решается» по смыслу заменили нейтральным в стилевом отношении литературным словом «лишается». Появление в первой публикации фразы о том, что господин опускает глаза на Алеба (развязка), недвусмысленно указывает на то, что не дошедшая до нас наборная рукопись составлялась по сохранившейся копии [Там же, л. 4]. Толстой сначала вписал эту фразу, но позднее вычеркнул. Публикаторы рассказа последнюю правку Толстого не учли. Грубая смысловая погрешность также была допущена в кульминации рассказа. Дьявол радуется, наблюдая за тем, как Алеб делает «свое» «дело». Правильно не «свое», а «его», т.е. дьяволову «дело». Именно так написал Толстой в копии [Там же]. Рассмотрим образцы текста.

Таблица № 3.

**Классификация типов редакторского воздействия на толстовский текст.
Варианты рукописи и первой публикации рассказа**

Тип редакторской порчи текста	Первая публикация	Рукопись
синонимическое замещение просторечных слов	«то решается своей праздничной одежи» [16, с. 107]	«то лишается своей праздничной одежи» [15, оп. 2, л. 2]
унификация союзов	«и смотрит оттуда во двор» [16, с. 107]	«и смотрит оттуда в двор» [15, оп. 2, л. 3]
смысловая ошибка	«как умно сделал свое дело» [16, с. 108]	«как умно сделал его дело» [15, оп. 2, л. 4]
пропуск части слова, приведший к смысловой ошибке	«и устал на небо» [16, с. 108]	«и усталился на небо» [15, оп. 2, л. 4]
неверное прочтение авторской правки	«и он улыбнулся и отпустил глаза на Алеба» [16, с. 108]	«и он улыбнулся» [15, оп. 2, л. 4]
коррекция формы слова	«Да мой хозяин сильнее твоего» [16, с. 108]	«Да мой хозяин сильней твоего» [15, оп. 2, л. 4]
синонимическая замена союзов	«и возьми свою праздничную одежу» [16, с. 108]	«да возьми свою праздничную одежу» [15, оп. 2, л. 4]

На формировании содержательного центра рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко», его образной системы сказались впечатления Толстого от встреч с представителями своего круга, от общения писателя с народом по пути в Крым и в Крыму. Возможно, наши наблюдения расшифруют тематический «код» этого произведения Толстого. Исследователи затрудняются определить, откуда заимствована его главная «тема»; традиционным стало утверждение о его неизвестных источниках. В литературе о Толстом генезис рассказа связывают с не изученными фольклористикой «восточным сказанием» или башкирскими «легендой» и «преданием» [6, с. 49; 8, с. 273; 9, с. 565; 13, с. 690; 14, с. 362].

Противопоставление идеала социального взаимодействия людей в понимании Толстого с действительным положением дел в современном писателю обществе, выраженное в рассказе оппозицией «доброе» господина и «злых» господ, имеет реальную основу. Известно, что в селе Дятьково (Дядьково) Орловской губернии Толстой посетил хрустальный завод родственников Л. Д. Урусова – Мальцовых – и был неприятно удивлен беспросветным существованием работников этого прибыльного предприятия, извлечением финансовой выгоды от использования детского труда. 8 марта Толстой подробно описал С. А. Толстой поразившие его «ужасы»: «Я нынче уж был на стеклянном заводе и видел ужасы, на мой взгляд. Девочки 10 лет в 12 часов ночи становятся на работу и стоят до 12 дня, а потом в 4 идут в школу, где их по команде учат: ус, оса, оси и т.п. Здорового лица женского и мужского <увидать> трудно, а изможденных и жалких – бездна» [18, с. 488].

Картины тяжелой трудовой жизни народа в центральной части страны убеждали Толстого в правоте его критического отношения к богатству и к бездеятельному, ориентированному только на потребление образу жизни привилегированного сословия. По дороге из Байдар в Симеиз 14 марта Толстой обратил внимание С. А. Толстой на контраст двух миров, «богатых» и «бедных»: «Еще думал по тому случаю, что Ур<усов>, сидя в карете, все погонял ямщика, а я полюбил, сидя на козлах, и ямщика, и лошадей, что как несчастны вы, люди богатые, к<оторые> не знают ни того, на чем едут, ни того, в чем живут (т.е. как строен дом), ни что носят, ни что едят. Мужик и бедный все это знает, ценит и получает больше радостей» [Там же, с. 495].

Образ «доброе» господина в рассказе «Вражье лепко, а Божье крепко» – художественное обобщение иных реалий крымского путешествия, творчески осмысленных Толстым. На этапе работы с копией писатель планировал дать своему герою мусульманское имя Меджид и наделить его титулом князя, который носил Л. Д. Урусов. Однако позднее Толстой отказался от этого намерения и вернулся к наработкам автографа: события рассказа разворачивались тогда в «старинные времена» господства в Крыму греческих колонистов или Римской империи. Сочетание имени и титула героя в черновых вариантах копии явно не соответствовало принципу жизненного правдоподобия, которому следовал Толстой-художник.

Сложившийся порядок общественного устройства, уклад экономики, быта, семьи народов Крыма виделся Толстому своего рода золотым веком человечества, когда люди жили счастливо и беззаботно в гармонии с природой и друг с другом. Эти стороны жизнедеятельности полуострова перекликаются в рассказе с толстовским идеалом гармоничного устройства общества, с описанием того, как «добрый» «богатый» господин разумно правит «счастливыми» рабами, и обсуждаются в письмах Толстого к С. А. Толстой от 15, 16-17 и 18 марта из Симеиза.

15 марта: «Здесь хорошо тем, что кроме теплоты и красоты, – богато, нет нищих. Заработок большой. Вот где или вообще на юге надо начинать жить тем, к<оторые> захотят жить хорошо» [Там же, с. 497-498].

В письме от 16-17 марта – параллели не только к социальному идеалу Толстого в рассказе «Вражье лепко, а Божье крепко», но и к образу «добрного» господина, названного Толстым в автографе «добрым богачом» [15, оп. 1, л. 1]: «Здесь, как я говорил, радостно, что не видать бедных и пьяных, но дурно то, что много безумных богачей, и народ, татары ошалели и смотрят на всех, – как бы их эксплуатировать» [18, с. 498].

В письме от 16-17 марта и в письме от 18 марта Толстой обстоятельно делился с С. А. Толстой подробностями своего знакомства со стариком татаринном и его семьей. Писатель подчеркнул силу, душевное и физическое здоровье, трудолюбие своих собеседников, которые могли поведать ему давнюю крымскую «историю».

Из письма от 16-17 марта: «Нынче я встал опять рано и, напившись кофе, пошел с Ур<усовым> в татарскую деревню. Там встретил старика 65 л<ет> <...> Я предложил ему наняться работать. Он согласился за рубль. Но это оказалось шутка. Он признал во мне богатого <...> Я дошел с ним до его плантации. Лазили по скалам, а в глуши нашли в лощинке его 4 сына, в белых рубахах копают заступами виноградник, а он обрезает. Я поработал с ними и пошел домой» [Там же, с. 498-499].

Поэтично описание этой встречи в письме от 18 марта: «Третьего дня пошел с Урус<овым> в татарскую деревню; там встретился с стариком татаринном, к<оторый> шел в гору на свой виноградник, и пошел с ним. <...> Потом пришли еще выше, на другую его землю. Там его 4 сына молодцы, от 27 до 16 лет, работают заступами, перекапывают виноградник, сильные, здоровые, веселые» [Там же, с. 500-501].

Итак, над рассказом «Вражье лепко, а Божье крепко» Толстой работал с 17 по 28 марта 1885 года. Крайние хронологические пределы устанавливаем на основе нескольких документов: письма Толстого к С. А. Толстой от 18 марта, писем Толстого к В. Г. Черткову от 17-18 и 25-26 марта, письма В. Г. Черткова к Толстому от 30-31 марта. Как показало сличение рукописей произведения (автографа и авторизованной копии) с текстом первой публикации в сборнике «Царь Крез...», после означенного периода Толстой больше не работал над рассказом, несмотря на свое намерение поправить его, о чем говорилось в письме к В. Г. Черткову от 17 мая. Выявленные нами разночтения между автографом, авторизованной копией и первой публикацией – результат редакторского воздействия издательского коллектива «Посредника» во главе с В. Г. Чертковым на художественную речь Толстого.

Этапы воплощения замысла рассказа «Вражье лепко, а Божье крепко», представленные в сохранившихся автографе и авторизованной копии, не составляют разные редакции произведения. Уже в автографе оформились все сюжетные части и их композиция, образная система, авторское отношение к изображаемым событиям. В копии Толстой развернул некоторые части сюжета (экспозицию, кульминацию и развязку), несколько сократил их детали, скорректировал образ «бунтаря» Алеба. Все эти поправки не изменили кардинально структуру, образы, сюжет, идейный пафос рассказа и не создали принципиально иной текст; Толстой придал наметенному в автографе тематическому целому законченное поэтическое и содержательное выражение.

Характер авторской правки рукописей рассказа говорит о сбалансированном сочетании в личности Толстого художника и моралиста. Критика Толстым богатства повлияла на доработку облика «добрного» господина (ранее – «богача») и образа Алеба (мотив «праздничной одежды») в экспозиции и в эпизоде о «споре» рабов. Утверждение в художественной форме толстовского идеала взаимодействия людей мотивировало правку экспозиции. В миниатюрную утопию расширилось описание «добродетелей» «добрного» господина. Для связи условных «старинных времен» с современными Толстому событиями возникла оппозиция «—добрый» господин / «—злые» господа». Идеи непротivления злу насилем касались изменения развязки произведения, поучения «добрного» господина, отпускающего на волю виновного раба.

Толстой выработал определенный комплекс эстетических норм при создании народной литературы. Признательно к рассказу «Вражье лепко, а Божье крепко» надо отметить пропорциональность частей сюжета рассказа, логику в их сочетании. Толстой не рекомендовал перегружать деталями основную линию повествования. По этой причине лишние, с точки зрения Толстого, подробности были исключены из описания «добра» «богача» в экспозиции. Толстой придерживался принципа жизненного правдоподобия, как он его понимал, в отборе событийного «материала» рассказа. Писатель руководствовался этим принципом, выпуская противопоставление Алеба и рабов (оппозиция «я – вы») в развитии темы искушения Алебом рабов; корректируя образ «добрного» господина в копии, Толстой отказался от имени и титула героя (князь Меджид).

Непревзойденного мастерства достигает Толстой – художник и моралист, преобразуя кульминацию и развязку рассказа (сцены о том, как Алеб губит «бесценного» барана господина, и нравственного испытания «добрного» господина). Писатель умело использовал поэтические средства (эпитеты, сравнения, ассоциативные тропы, метафоры), чтобы максимально воздействовать на духовный мир читателя.

Концепция «земного рая» Толстого по-своему сближает «Вражье лепко, а Божье крепко» с произведениями жанра художественной утопии (с греч. «место, которого нет»; благословенное место»). К чертам этого жанра относим в рассказе изображение несуществующего идеального, с точки зрения автора, общества («старинные времена» с «добрными» господами и «счастливыми» рабами). Регламентация общественной жизни явственно ощутима в обрисовке правления «добрного» господина. Толстой отрицает наличное бытие, признавая ложный ход развития истории (проблема «злых» господ), переносит повествование в условные время и место действия.

Идейный пафос и система образов рассказа во многом были обусловлены впечатлениями Толстого от встреч с представителями своего круга, от общения писателя с народом по пути в Крым и в Крыму. Созвучны проблематике «Вражье лепко, а Божье крепко» подробные «отчеты» Толстого о своем путешествии в письмах к С. А. Толстой от 8, 14, 15, 16-17 и 18 марта.

Предпринятое нами критическое исследование разночтений текста «Вражье лепко, а Божье крепко» по схеме «автограф – копия – первая публикация» выявило типы воздействия копииста и редакции «Посредника» на исходный авторский текст. Труд переписчика с автографа близок к точной передаче авторского текста, за исключением незначительных единичных случаев, которые классифицируем как бессознательные и произвольные ошибки. Правила текст Толстого редакция «Посредника». Заменялись просторечные и, с точки зрения держателей корректур, «непонятные» народу слова, унифицировались союзы, формы слов. При подготовке набора и в корректуре текст Толстого был искажен по смыслу пропусками слов и неверным прочтением руки Толстого. Стилистическая «отделка» рассказа в «Посреднике» разрушила художественную речь Толстого в местах редакторских вторжений и превратила ее в тот трафаретный «литературный» язык, в котором Толстой находил прикрытие пустоты.

Список литературы

1. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970. 557 с.
2. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 837 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык Медиа, 2008. Т. 1. 699 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык Медиа, 2008. Т. 2. 779 с.
5. Зайденшнур Э. Е. Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Толстого // Лев Толстой. Литературное наследие. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 69. Кн. 1. С. 561-636.
6. Кушенко З. А. «Вражье лепко, а Божье крепко» // Л. Н. Толстой. Энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. С. 48-49.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
8. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 634 с.
9. Опульская Л. Д. Примечания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20-ти т. / под ред. Н. Н. Акоповой, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, М. Б. Храпченко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. Т. 10. С. 543-567.
10. Сизова И. И. История создания рассказа Л. Н. Толстого «Как чертенок краюшку выкупал» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 1. С. 191-194.
11. Сизова И. И. История текста драматической обработки легенды о царе Аггее Л. Н. Толстого // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 58-65.
12. Сизова И. И. Сюжет о первом винокуре в творчестве Л. Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 2. С. 172-177.
13. Срезневский В. И. «Вражье лепко, а Божье крепко». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Серия первая. Произведения. Т. 25. С. 690-691.
14. Срезневский В. И. Примечания // Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений: в 30-ти т. / ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 10. С. 361-380.
15. Толстой Л. Н. Вражье лепко, а Божье крепко // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. I. Оп. 1-2.
16. Толстой Л. Н. Вражье лепко, а Божье крепко // Сочинения графа Л. Н. Толстого: в 12-ти ч. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. Ч. 12. С. 107-109.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. Серия третья. Письма. Т. 63. Письма 1880-1886 гг. 524 с.
18. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1938. Серия третья. Письма. Т. 83. Письма к С. А. Толстой. 1862-1886. 638 с.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1935. Серия третья. Письма. Т. 85. Письма к В. Г. Черткову 1883-1886. 464 с.

TEXTUAL STUDY AND POETICS OF THE STORY BY LEO TOLSTOY “THE FIEND PERSISTS, BUT GOD RESISTS”

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Science

u_sizova@bk.ru

The article researches the textual study and the poetics of the story by Leo Tolstoy “The fiend persists, but God resists” on the basis of two known manuscripts of the works held in the Manuscript Department of the State Museum of Leo Tolstoy in Moscow (Manuscript Department of the State Museum of Leo Tolstoy, fund I, inventory lists 1-2, handwritten fund is 5 sheets). The dating is specified (from 17 till 28 March 1885) and the question of the work edition is resolved. The elements of the story poetics are considered as well as the specificity of the work of the copyist and the collective of “Posrednik” with the text of Tolstoy.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; elements of poetry; genesis of story; history and criticism of text; dating of works; letters; autograph; copy; genre utopia.